

DOI: 10.56429/2414-4894-2025-51-1-15-29

Гребнев Руслан Дмитриевич
канд. юрид. наук, старший научный сотрудник,
заместитель декана факультета глобальных процессов
по международному сотрудничеству
МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
rusl4n.grebnev@yandex.ru

**ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ СИСТЕМЫ
ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Grebnev Ruslan D.
Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher,
Deputy Dean for International Affairs,
Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (building B)
rusl4n.grebnev@yandex.ru

**FUNDAMENTALS OF CHINA'S FOREIGN POLICY
IN THE CONTEXT OF THE FORMATION
OF A DECENTRALIZED SYSTEM
OF GLOBAL REGULATION
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Аннотация. Целью исследования является комплексный анализ основ внешней политики Китая в контексте формирования децентрализованной системы глобального регулирования международных отношений. Исследовательские задачи предопределили необходимость выявления эндогенных и экзогенных факторов, оказывающих влияние на геостратегию КНР, а также исследование внешней политики Китая в глобальном и региональном измерениях. Сделан общий вывод о том, что внешнеполитическая стратегия КНР акцентирована на формирование системы децентрализованного глобального регулирования международных отношений. При этом формирование нового

миропорядка предполагает одну из ключевых ролей Китая в выработке глобальной политики, «доразвивание» региональной системы международных отношений в Восточной Азии и отождествление политической системы КНР с региональной системой регулирования международных отношений в обозримой перспективе.

Реализации геостратегии Китая содействуют особенности коллективной идентичности, истолкование собственной государственности и устойчивость политической системы от внешнего регулирования.

Ключевые слова: *внешняя политика КНР, децентрализация глобального регулирования международных отношений, многополярность, глобализация политических процессов, регионализация политических процессов, Китай, международные отношения.*

Abstract. The purpose of this study is a comprehensive analysis of the foundations of China's foreign policy in the context of the formation of a decentralized system of global regulation of international relations. The research objectives predetermined the need to identify endogenous and exogenous factors influencing China's geostrategy, as well as to study China's foreign policy in the global and regional dimensions. A general conclusion was made that China's foreign policy strategy is focused on the formation of a system of decentralized global regulation of international relations. At the same time, the formation of a new world order presupposes one of the key roles of China in the development of global policy, the development of a regional system of international relations in East Asia and the identification of China's political system with the regional system of regulation of international relations in the foreseeable future.

The implementation of China's geostrategy is facilitated by the peculiarities of collective identity, the interpretation of its own statehood and the stability of China's political system from external regulation.

Key words: *China's foreign policy, decentralization of global regulation of international relations, multipolarity, globalization of political processes, regionalization of political processes, China, international relations.*

Актуальность исследования внешней политики Китая в контексте формировании децентрализованной системы глобального регулирования международных отношений обоснована тенденцией глобальной поляризации международных отношений, которая характеризуется процессами формирования нового геополитического баланса сил и геэкономического паритета в мире при активном участии КНР в указанных глобальных процессах. Современное состояние системы международных отношений также отличает тенденция суверенизации ключевых акторов регионализации и глобализации политических процессов, к которым, безусловно, следует относить КНР [12].

1 января 2024 г. вступило в силу решение, принятое на XV Саммите БРИКС в Йоханнесбурге, о присоединении к межгосударственному объединению новых членов. На Саммите БРИКС в Казани в октябре 2024 г. политика расширения БРИКС получила свое дальнейшее развитие. Членство в БРИКС свидетельствует о приверженности стран — участников межгосударственного объединения внешнеполитическому курсу,

направленному на развитие полицентричной системы международных отношений и входящему в противоречие с геополитическим проектом США. В контексте заявленной темы расширение БРИКС может рассматриваться как поэтапная реализация согласованной с региональными лидерами и державами внешнеполитической стратегии Китая, предполагающей его системное участие в выработке и реализации глобальной политики.

В своем новогоднем обращении 31 декабря 2023 г. Председатель КНР Си Цзиньпин назвал предстоящее возвращение Тайваня в политико-правовую систему Китая «неудержимой исторической тенденцией», связанной с «миссией по великому возрождению нации» [10]. Поставленная задача по решению тайваньского вопроса, объединяющего в себе цели КНР по восстановлению государственного суверенитета, обеспечению национальной безопасности и реализации интересов развития страны, приобретает особую актуальность в контексте формирования восточноазиатской региональной системы регулирования международных отношений, соотносимой с политической системой самого Китая.

В силу существования ряда эндогенных и экзогенных факторов, оказывающих влияние на геостратегию Китая, его внешняя политика может быть рассмотрена в глобальном и региональном измерениях. Концепция глобального Китая и его безусловный статус региональной державы предопределяет возможность рассматривать внешнюю политику КНР в контексте авторской концепции децентрализации глобального регулирования международных отношений, которая предполагает формирование двух взаимосвязанных подсистем, основанных на геополитическом или геоэкономическом подходах и предполагающих продление однополярного момента и гегемонии США или формирование многополярного мира как совокупности взаимодействующих региональных систем международных отношений.

Закон КНР «О международных отношениях» от 28 июня 2023 г. был принят в целях регулирования «международных отношений нового типа», понимаемых как «международные отношения, содействующие глобальному развитию». В системе международных отношений «нового типа» КНР «остается верным принципу равенства всех стран, независимо от размера, силы или уровня развития, и уважает пути развития и социальные системы, выбранные независимо народами всех стран» [6]. На основании толкования положений закона можно сделать вывод о том, что на уровне национального законодательства задекларирован новый этап глобализации политических процессов и приверженность КНР концепции многополярности. Таким образом, в нормах национального законодательства закреплено внешнеполитическое самоопределение КНР как одного из ключевых участников актуальных глобальных политических процессов.

Возникшие вследствие навязывания США концепции «порядок, основанный на правилах» кризис международного права и риски диссоциации ООН повлекли за собой поиск глобальной альтернативы, сформулиро-

ванной странами — участниками БРИКС и выраженной в идее построения справедливого многополярного миропорядка [1, 7]. Концепция многополярности предполагает ключевое значение региональных систем международных отношений, представленных региональными лидерами и державами, способными распространять политическое влияние на сопредельные государства и выступать от имени регионов [4]. Все указанное предполагает формирование децентрализованной системы глобального регулирования, представляющей собой совокупность международных организаций, объединений и форматов глобального и регионального значения, сосуществующих на принципах полицентричности и выполняющих регуляторные функции при соблюдении прав народов на сохранение культурно-цивилизационной самобытности и особенностей организации политической жизни общества [13].

Уточнение целей и принципов внешней политики Китая, закрепленных в Законе «О международных отношениях», соответствует двум взаимообусловленным тенденциям глобализации и регионализации политических процессов и предопределяет, во-первых, перспективы активного участия Китая в формировании системы децентрализованного глобального регулирования международных отношений, а во-вторых, отождествления политической системы КНР с региональной системой регулирования международных отношений в Восточной Азии.

Эндогенные и экзогенные факторы, оказывающие влияние на геостратегию КНР

При исследовании факторов, оказывающих влияние на внешнеполитическую стратегию КНР, в первую очередь обращает на себя внимание уникальность социальных и политических концепций, предопределивших особенности развития Китая и формирование его статуса в глобальной и региональной системах международных отношений [11].

Социально-культурные концепции Китая формировались под влиянием «религии без бога», системы этических и моральных принципов, в которой отсутствует свойственное большинству других традиционных обществ понятие греха [9]. Отсутствие указанного понятия в системе социальных норм оказало влияние на формирование более строгих санкций за нарушение правового порядка, вплоть до проведения публичных смертных казней, выполняющих превентивные функции в системе регулирования общественных отношений в современном Китае [3]. По всей видимости, эта особенность является одним из факторов приверженности Китая принципу безусловного верховенства международного права как регулятора международных отношений и одной из первопричин противостояния КНР и США, придерживающихся концепции порядка, основанного на их правилах.

Некоторые особенности социальных концепций Китая получили свое развитие в реформах Дэн Сяопина, в которых в 1978 г. были утверждены

основы «социального рейтинга», активно внедряющегося в общественную жизнь с 2014 г. Абсолютизация принципа социальной ответственности, характеризующего коллективную идентичность Китая, вносит определенность в общественные отношения и как следствие содействует устойчивости политической системы Китая, обеспеченной установленной в конституционно-правовых нормах государственной идеологией.

Отличительной особенностью политической системы Китая, способствующей формированию политической определенности, является наличие государственной идеологии. После распада СССР Китай остался крупнейшим государством с социалистической идеологией, которая успешно противостоит идеологии либерализма. Государственная идеология Китая является источником внешнеполитической стратегии КНР. В соответствии со ст. 3 Закона «О международных отношениях» Китай «поддерживает международные отношения... под руководством марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина... научного взгляда на развитие идей Си Цзиньпина о социализме. Находясь под централизованным и общим руководством Коммунистической партии Китая» [6], внешняя политика КНР регламентирована не только нормативно-правовыми актами, но и определена принципами и приоритетами, заложенными в государственную идеологию.

Подчиненность государственной политики и правовой системы КНР государственной идеологии характеризуют политическую систему Китая как кибернетическую. Кибернетизм политической системы, возникающей вследствие наложения двух регуляторных систем, содействует ликвидации противоречий и пробелов политико-правовой системы и тем самым обеспечивает дополнительную устойчивость политической системы при попытках внешних регуляторов оказывать политическое влияние на Китай.

Преимуществом государственной политики КНР со времен Синьхайской революции, во многом гарантированной наличием государственной идеологии и благодаря особенностям коллективной идентичности, о которых было сказано выше, было обеспечено достижение экономического и военного могущества современного Китая. Внешняя политика государств, соотносимых с понятием Западной цивилизации, связанная с удовлетворением производственных потребностей за счет развивающихся экономик Азии, привела к опережающему экономическому развитию Китая, ликвидации технологического отставания и росту валового внутреннего продукта. Под воздействием вышеуказанных факторов сформировалась исключительная субъектность КНР в системе международных отношений, понимаемая как способность распространять политическое влияние на сопредельные и удаленные зарубежные государства.

Онтологические характеристики внешнеполитической стратегии Китая получили свое развитие в новой редакции Закона «О международных отношениях». В соответствии со ст. 1 Закона представляется возможным классифицировать указанные публичные отношения с участием

Китай по целевому признаку. Вступая в международные отношения, КНР имеет своей целью «защиту суверенитета, обеспечение национальной безопасности и реализацию интересов развития» [6]. В стратегии внешней политики все три указанные цели международных отношений обуславливают и дополняют друг друга, в первую очередь ввиду особого подхода к пониманию государственного суверенитета, заложенного в текст китайского законодательства, который коррелирует с органицистским подходом к истолкованию государства.

Органицистский подход к истолкованию государства является одной из ключевых характеристик политической системы, обладающей потенциалом распространять политическое влияние на зарубежные государства. Данный тезис обоснован в первую очередь тем обстоятельством, что актуальное состояние развития полицентричной системы международных отношений является производной или следствием реализации национальных стратегий государств, направленных на защиту государственного суверенитета и сохранение культурной самобытности. А стратегическое развитие статуса и роли государства в современном мире подразумевает необходимость учитывать его исторический контекст и актуальное состояние, а также прогнозировать наиболее вероятные сценарии развития международных отношений. Органицизм, позволяющий рассматривать государство как живой организм в контексте его зарождения и развития, является наиболее релевантным подходом при обосновании возвращения Макао и Гонконга в политико-правовую систему КНР, а также исторической неизбежности возвращения Тайваня.

В соответствии со ст. 4 Закона концепция суверенитета подразумевает необходимость взаимного соблюдения пяти принципов: «ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования» [6]. Утверждение указанных принципов существенно уточняет концепцию государственного суверенитета, устоявшуюся в академическом сообществе и понимаемую в большей степени в контексте неприкосновенности границ и невмешательства во внутренние дела зарубежных государств.

Нарушение стороной международных отношений хотя бы одного из установленных в Законе «О международных отношениях» принципов предполагает ответное право Китая отступать от указанных принципов и использовать меры политического, экономического или военного характера в целях защиты собственного суверенитета. Для понимания заложенной в текст Закона логики международных отношений, направленных на защиту суверенитета, следует обратить внимание на инвестиционную политику Китая в Африке и Латинской Америке. После невозврата кредитов изначально не обеспеченные национальными экономиками африканских и латиноамериканских стран кредитные отношения с Китаем становятся неравными, а значит, посягающими на суверенитет Китая, на что он вправе ответить применением разнообразных средств и методов распространения своего политического влияния.

Органицистский подход к истолкованию государства находит свое отражение в принципиальных позициях ряда государств в вопросах сохранения и восстановления исторического суверенитета, в связи с чем в национальных стратегиях этих государств допускается принцип подвижности и транспарентности политических границ в их современном состоянии. Таким образом, органицизм, заложенный в основы политической системы Китая и предопределяющий особый подход к пониманию государственного суверенитета, является предпосылкой отождествления политической системы Китая с региональной системой регулирования международных отношений в Восточной Азии в обозримой перспективе. Эти же факторы предопределяют особую роль КНР как одного из ключевых глобальных акторов в системе международных отношений, способного единолично выступать от имени Восточноазиатского региона.

Экзогенные факторы, оказывающие влияние на геостратегию КНР, возникают вследствие непримиримых противоречий между глобализационным проектом США, основанным на геополитическом подходе, и глобализационным проектом, поддерживаемым Китаем и связанным с формированием справедливого многополярного миропорядка. Вследствие приверженности Китая концепции полицентричности и вынужденного противостояния с США геостратегия Китая основана одновременно на двух подходах: геополитическом, выражающемся в принятии мер по противодействию военному могуществу США и их сателлитов и формированию баланса сил, и геоэкономическом, реализация которого осуществляется посредством мероприятий, направленных на формирование нового экономического паритета в мире и разворот геополитического проекта США в сторону многополярности.

Противодействие геополитическому проекту США предполагает наращивание военного потенциала Китая в противовес альянсу АУКУС и всестороннюю поддержку ключевых акторов регионализации политических процессов, также противодействующих глобальным политическим процессам, инициированным США. Геоэкономические основания концепции многополярности предопределяют акцентированность внешней политики Китая на поддержку экономик государств, находящихся под санкциями коллективного Запада, тем самым содействуя формированию альтернативной макроэкономики, не зависимой от доллара США и экономик государств, осуществляющих недружественные действия против зарубежных государств.

Таким образом, предпосылки концептуализации особого статуса КНР в многополярном мире возникли задолго до актуальных тенденций развития полицентричной системы международных отношений. Указанным предпосылкам соответствуют следующие эндогенные факторы, оказавшие влияние на формирование исключительной субъектности Китая в системе международных отношений, понимаемой как способность распространять политическое влияние на зарубежные государства вследствие экономического могущества, военной мощи и политической стабильности:

- коллективная идентичность, характеризующаяся уникальностью социально-политических концепций и абсолютизацией принципа социальной ответственности;
- органицистский подход к истолкованию китайской государственности, в совокупности с уточненным подходом к пониманию государственного суверенитета позволяющий рассматривать внешнюю политику в контексте подвижности и транспарентности политических границ в их актуальном состоянии;
- возникающий вследствие наличия государственной идеологии кибернетизм политической системы, обеспечивающий ее устойчивость от внешних регуляторов и преемственность государственной политики.

В свою очередь, экзогенные факторы, оказывающие влияние на внешнюю политику КНР, связаны с вынужденным противодействием реализации геополитического проекта США, предполагающим развитие военного потенциала и международной конкурентоспособности, содействующим формированию лидерства КНР в системе международных отношений.

Внешняя политика КНР в глобальном и региональном измерениях

Глобальное измерение внешней политики КНР возникает вследствие приверженности «к осуществлению Глобальной инициативы в области развития, Глобальной инициативы в области безопасности и Глобальной цивилизационной инициативы». В соответствии со ст. 18 Закона «О международных отношениях» «Китайская Народная Республика поддерживает и практикует многосторонность и участвует в реформировании и развитии системы глобального управления» [6]. В целом поддерживая систему глобального управления, основанного на Уставе ООН, Китай последовательно выступает за расширение Совета Безопасности ООН из числа стран с развивающимися экономиками, решение о котором при поддержке стран БРИКС было принято на Саммите G-20 в Нью-Дели в 2023 г. При этом в соответствии со ст. 2 Закона установлено, что отношения Китая с ООН имеют равное значение с отношениями с другими международными организациями, т.е. не являются исключительными [6]. Это, в частности, находит свое отражение в поддержке Китаем политики расширения БРИКС как авангарда государств, стремящихся к формированию справедливого многополярного миропорядка, предполагающего децентрализацию глобального регулирования.

Являясь настоящим манифестом многополярности, Закон «О международных отношениях» предписывает правительству страны осуществлять внешнюю политику, содействующую формированию многополярного мира, тем самым заведомо возлагая на Китай функции постоянного участника, модератора или наблюдателя в системе международных отношений. По своей сути самоопределение Китая как гаранта многополярности является зеркальным отражением геополитики США, внешнеполитическая доктрина которых оперирует концепцией «США — мировой

гарант демократии». Таким образом, в соответствии с Законом «О международных отношениях» Китай позиционирует себя как носитель принципов многополярности и глобальный актор в системе международных отношений.

Приверженность Китая концепции многополярности содействует достижению им глобального лидерства, которое подлежит мирному развитию в соответствии с принципами полицентричности. Такой подход получил развитие в посредничестве Пекина в восстановлении дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией в 2023 г. Успехи Китая как модератора международных отношений, осложненных геополитическим элементом, демонстрируют перспективы перехода инициативы от США к КНР на Ближнем Востоке, что послужило одной из причин эскалации палестино-израильского конфликта, имеющей своей целью восстановление влияния США в регионе. Очевидно, что опыт посредничества Китая в арабо-персидском конфликте подлежит дальнейшему «тиражированию» в других региональных системах международных отношений, осложненных геополитическим элементом.

Китай ранее других политических образований, приверженных концепции многополярности, приступил к реализации меж- и трансрегиональных проектов, к которым безусловно следует относить китайскую инициативу «Один пояс — один путь». Указанной тенденции также соответствует развитие международных отношений Китая с Россией, Индией, Ираном, африканскими и латиноамериканскими странами.

КНР придерживается принципа приоритетности геоэкономического подхода в планировании и реализации внешней политики, «следуя по пути мирного развития... политики открытости внешнему миру и стратегии открытости для взаимной выгоды» [6]. Инициатива «Один пояс — один путь», нацеленная на формирование устойчивых коммуникационных магистралей и реализацию потенциала Китая в области международной торговли, является показательным геоэкономическим проектом Китая, но далеко не единственным.

Геоэкономическое влияние КНР на зарубежные государства возрастает в процессе реализации политики дедолларизации мировой экономики. Единственной из существующих на момент до создания валюты БРИКС альтернативой, способной в большей степени обеспечить проведение международных расчетов, является китайский юань. Юанизация системы международных расчетов, как и создание валюты БРИКС, которая во многом будет обеспечена экономикой Китая, содействует дальнейшему формированию глобального статуса КНР.

Формирующийся статус Китая как первого среди равных в авангарде государств, совместно добивающихся формирования многополярного мира, имеет потенциал дальнейшего развития, в связи с чем в теории глобалистики могут возникать альтернативные сценарии возможного развития глобализации политических процессов, вплоть до глобальной гегемонии Китая.

В силу приверженности Китая концепции многополярности глобальное измерение его внешней политики неразрывно связано с поддержкой тенденций формирования региональных систем международных отношений, в своей совокупности представляющих основы архитектуры многополярного мира. При этом «Пекин избегает участия в региональных конфликтах и воздерживается от принятия решений, которые впоследствии могут негативным образом сказаться на экономическом положении страны» [2, с. 100]. В соответствии со ст. 18 Закона «О международных отношениях» Китай «работает над поощрением координации и здорового взаимодействия с другими крупными странами и развитием отношений с соседними странами в соответствии с принципами дружбы, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности и политикой укрепления дружбы и партнерства со своими соседями» [6]. Так поддержка регионализации политических процессов получает свое развитие в геостратегии КНР.

Китай во внешней политике придерживается релятивистского подхода к регулированию международных отношений, свойственному концепции многополярности. Наиболее показательным релятивизм китайского подхода проявляется в понимании прав человека, которое находит свое отражение в ст. 22 Закона «О международных отношениях», в тексте которой приверженность Китая принципу универсальности прав человека объективно ограничена существующими социальными концепциями зарубежных стран [6].

Главенствующим в геостратегии национальным интересам соответствует нацеленность внешней политики КНР на развитие лидерства в международных отношениях. Внешняя политика КНР, акцентированная на развитие лидерства и формирование региональных систем регулирования международных отношений, реализуется посредством активного участия в международных организациях регионального значения. При этом, принимая во внимание активное развитие ЕАЭС и осложненное геополитическим элементом развитие СНГ и ОДКБ, Шанхайскую организацию сотрудничества, основанную на китайском подходе к реализации евразийской идеи, на наш взгляд, следует относить к межрегиональным проектам, но не организациям регионального значения.

В контексте поддержки формирования региональных систем регулирования международных отношений представляется обоснованным рассматривать членство КНР в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве, постоянное участие в Региональном форуме Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, в качестве партнера по диалогу в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Ассоциации стран бассейна Индийского океана, а также в качестве наблюдателя в Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии, Латиноамериканской ассоциации интеграции и Ассоциации карибских государств. Системным образом реализация геоэкономических интересов Китая обеспечивается членством КНР в Азиатском, Африканском и Карибском банках развития.

При анализе членства КНР в региональных организациях обращает на себя внимание отсутствие каких-либо региональных организаций

с участием Китая в Восточной Азии, что позволяет рассматривать перспективы отождествления политической системы Китая с региональной системой регулирования международных отношений.

Китай является сформированной в Восточной Азии региональной державой. В совокупности с самоопределением Китая как гаранта многополярности рост его политического влияния на зарубежные государства, основанный на экономическом и военном могуществе, а также политической стабильности, позволяет рассматривать политическую систему Китая в контексте региональной системы регулирования международных отношений в Восточной Азии и как модельную систему, опыт формирования которой может быть использован другими ключевыми акторами регионализации политических процессов на пути к многополярному миру.

Ввиду зависимого от США положения Японии и возникшего вследствие ее десуверенизации кризиса японской идентичности, Китай является безальтернативным центром восточноазиатской системы международных отношений. При отсутствии региональной альтернативы Китаю интегрированность независимых от США восточноазиатских стран в экономику КНР представляется неизбежной. Даже в Японии в 2023 г. было издано Руководство по выходу на китайский рынок, которое, по сути, представляет собой методические рекомендации, предписывающие японским предпринимателям воздержаться от критики политического строя КНР [5]. Таким образом, политическая система Китая может рассматриваться в контексте региональной системы регулирования международных отношений, экономика Китая — как системообразующий элемент региональной интеграции, а система национальной безопасности Китая — как основа региональной безопасности соответственно.

Принципиальность внешнеполитических позиций Китая в международных отношениях возрастает в отношении политических образований Восточной Азии, вплоть до угрозы применения военной силы, т.е. методов геополитического влияния. При исследовании региональных политических процессов в Восточной Азии представляется возможным выявить одну из ключевых задач Китая во внешней политике — «доращивание» региональной системы международных отношений и формирование единой системы их регулирования.

Тайваньский вопрос — это «линия соприкосновения» стратегии внешней политики КНР и геополитического проекта США. Геополитика США оперирует концепцией баланса сил, понимаемого в первую очередь как соотношение военных потенциалов. О некоторых результатах реализации геополитического проекта США свидетельствует тот факт, что Китай буквально окружен военными силами сателлитов и союзников США, в том числе на Тайване, в Японии, Республике Корея, Афганистане (в лице некоторых сепаратистских движений). Нельзя также забывать о наличии территориальных споров Китая и Индии, а также о создании для противодействия Китаю военного альянса АУКУС, подразумевающего личное военное присутствие США, Великобритании и Австралии в Тихом океане в непосредственной близости от Китая [8].

Принимая во внимание тот факт, что геополитика США имеет своей целью реализацию военного преимущества перед государствами, угрожающими их гегемонии, решение тайваньского вопроса имеет прямое отношение к вопросам национальной безопасности Китая и региональной безопасности в Восточной Азии соответственно. Геополитика США и утвержденные в Законе «О международных отношениях» цели внешней политики Китая по защите государственного суверенитета предопределяют практическую неизбежность военного столкновения Народно-освободительной армии Китая с сепаратистскими группами на Тайване, поддерживаемыми государствами коллективного Запада и зависимыми от США государствами Азии.

Вслед за разрешением тайваньского вопроса региональная система международных отношений в Восточной Азии, очевидно, будет оформлена после решения под руководством или при посредничестве Пекина существующих территориальных разногласий Брунея, Вьетнама, Индонезии, Малайзии и Филиппин в Южно-Китайском море. Это позволит рассматривать Китай как пример актора в многополярном мире, способного единолично сформировать региональную систему регулирования международных отношений.

Резюмируя сказанное, представляется обоснованным сделать следующие промежуточные выводы. Внешняя политика Китайской Народной Республики в глобальном измерении характеризуется акцентированностью на поддержку формирования многополярного мира и требовательностью к соблюдению принципов полицентричности. Глобальный Китай в большей степени оперирует методами геоэкономического влияния, при этом стратегия участия Китая в глобальной политике имеет выраженную направленность на реализацию собственных национальных интересов, в том числе посредством реорганизации системы глобального управления, а также реализации меж- и трансрегиональных проектов.

Акцентированность внешней политики Китая на развитие лидерства в международных отношениях является следствием сформированного экономического, военного и политического потенциала. Измеримые показатели экономического, военного, технологического, промышленного и других аспектов развития вместе с самоопределением Китая как гаранта многополярности свидетельствуют об исключительной субъектности КНР в системе международных отношений и формирующемся статусе одного из ключевых субъектов системы децентрализованного глобального регулирования международных отношений.

После решения Китаем тайваньского вопроса и некоторых территориальных споров в Южно-Китайском море, ввиду отсутствия региональной альтернативы Китаю в Восточной Азии политическая система КНР может рассматриваться в контексте региональной системы регулирования международных отношений, китайская экономика — как системообразующий элемент региональной интеграции, а система национальной безопасности Китая — как основа региональной безопасности.

На основании изложенного можно сделать следующий общий вывод. Внешнеполитическая стратегия КНР содействует, во-первых, формированию системы децентрализованного глобального регулирования международных отношений, предполагающей одну из ключевых ролей Китая в выработке глобальной политики, направленной на формирование многополярного мира, а во-вторых, «доращивание» региональной системы международных отношений в Восточной Азии, предопределяющее отождествление политической системы КНР с региональной системой регулирования международных отношений в обозримой перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашидзе А.Х., Остроухов Н.В.* Международно-правовой нигилизм в межгосударственных отношениях, вступающих в многополярный мир // Правовое видение развития России: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию присоединения Института права к Башкирскому государственному университету, Уфа, 15 апреля 2022 г. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 5—20.
2. *Абылгазиев И.И., Васецова Е.С.* Отношения Китая и Ирана в условиях меняющегося миропорядка // Век глобализации. 2020. № 1 (33). С. 93—101.
3. *Адамс О.Ю.* Антикоррупционное законодательство КНР в 1995—2015 гг. // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 206—218.
4. *Алексеев О.А.* Глобализация и регионализация как определяющие тенденции процесса формирования полицентричной системы международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 3. С. 28—34.
5. В Японии создали руководство по Китаю для селебрити. URL: <https://1hut.ru/tg/ekdme/2023/10/в-японии-создали-руководство-по-китаю/> (дата обращения: 25.06.2024).
6. Закон Китайской Народной Республики «О международных отношениях». URL: <https://chinaperevod.com/law/zakon-kitayskoy-narodnoy-respubliki-o-mezhdunarodnyh-otnosheniyah?ysclid=lxucda7sqz760256671> (дата обращения: 25.06.2024).
7. *Ильин И.В.* Мировая динамика и российский проект нового мироустройства // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2022. № 4. С. 3—11.
8. *Леонова О.Г.* Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций: Образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 3. С. 194—211.
9. *Маслов А.А.* Традиционная политическая культура Китая, идентичность и новые формы реализации мягкой силы // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 119—121.
10. Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с новогодним обращением. URL: <https://rg.ru/2023/12/31/predsdatel-knr-si-czinpin-vystupil-s-novogodnim-obrashcheniem.html?ysclid=lqxnkn3ki711209795> (дата обращения: 25.06.2024).
11. *Саямов Ю.Н.* Аспекты глобальности российской и китайской цивилизаций // Международная жизнь. 2023. № 11. С. 84—91.
12. *Смакотина Н.Л., Волков А.В.* Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: Открытый мир и синергия цивилизаций //

Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. № 1. С. 3—22.

13. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст // Межцивилизационный диалог как фактор сохранения этнокультурного многообразия России в условиях глобализации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Махачкала, 22 марта 2022 г. / Под ред. Ю.Н. Абдулкадырова. Махачкала: ИП Овчинников М. А. (Типография Алеф). 2022. С. 19—25.

REFERENCES

1. Abashidze A.Kh., Ostroukhov N.V. Mezhdunarodno-pravovoi nihilizm v mezhgosudarstvennykh otnosheniyakh, vstupayushchikh v mnogopolyarnyi mir [International legal nihilism in interstate relations entering a multipolar world]. Pravovoe videnie razvitiya Rossii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu prisoedineniya Instituta prava k Bashkirskomu gosudarstvennomu universitetu, Ufa, 15 aprelya 2022 g. [Legal vision of the development of Russia: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the accession of the Institute of Law to the Bashkir State University, Ufa, April 15, 2022]. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet. 2022. Pp. 5—20. (In Russ.)

2. Abylgaziev I.I., Vasetsova E.S. Otnosheniya Kitaya i Irana v usloviyakh menyayushchegosya miroporyadka [Relations between China and Iran in the context of a changing world order]. Vek globalizatsii [Age of Globalization]. 2020. N 1 (33). Pp. 93—101. (In Russ.)

3. Adams O.Yu. Antikorrupsionnoe zakonodatel'stvo KNR v 1995—2015 gg. [Anti-corruption legislation of the PRC in 1995—2015]. Rossiya i sovremennyi mir [Russia and the modern world]. 2018. N 1 (98). Pp. 206—218. (In Russ.)

4. Alekseenko O.A. Globalizatsiya i regionalizatsiya kak opredelyayushchie tendentsii protsessa formirovaniya polittsentrichnoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii [Globalization and regionalization as defining trends in the process of formation of a polycentric system of international relations]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences]. 2015. N 3. Pp. 28—34. (In Russ.)

5. V Yaponii sozdali rukovodstvo po Kitayu dlya selebriti [Japan has created a guide to China for celebrities.]. URL: <https://1hut.ru/tg/ekdme/2023/10/в-японии-создали-руководство-по-китаю/> (date of access: 26.06.2024). (In Russ.)

6. Zakon Kitaiskoi Narodnoi Respubliki «O mezhdunarodnykh otnosheniyakh» [Law of the People's Republic of China “On International Relations”]. URL: <https://chinaperevod.com/law/zakon-kitayskoy-narodnoy-respubliki-o-mezhdunarodnyh-otnosheniyah?ysclid=lxucda7sqz760256671> (date of access: 26.06.2024). (In Russ.)

7. Il'in I.V. Mirovaya dinamika i rossiiskii proekt novogo miroustroistva [Global dynamics and the Russian project of a new world order]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika [Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics]. 2022. N 4. Pp. 3—11. (In Russ.)

8. Leonova O.G. Vliyanie strategicheskogo partnerstva AUKUS na geopoliticheskuyu situatsiyu v Indo-Tikhookeanskom regione [The impact of the AUKUS Strategic partnership on the geopolitical situation in the Indo-Pacific Region]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: Obrazovanie, nauka, novaya ekonomika [Bulletin of

International Organizations: Education, Science, New economy]. 2022. Vol. 17, N 3. Pp. 194—211. (In Russ.)

9. Maslov A.A. Traditsionnaya politicheskaya kul'tura Kitaya, identichnost' i novye formy realizatsii myagkoi sily [Traditional political culture of China, identity and new forms of soft power implementation]. Tetradi po konservatizmu [Notebooks on conservatism]. 2015. N 5. Pp. 119—121. (In Russ.)

10. Predsedatel' KNR Si Tszin'pin vystupil s novogodnim obrashcheniem [Chinese President Xi Jinping delivers New Year address]. URL: <https://rg.ru/2023/12/31/predsedatel-kr-si-czinpin-vystupil-s-novogodnim-obrashcheniem.html?ysclid=lqxnknn3ki711209795> (date of access: 26.06.2024). (In Russ.)

11. Sayamov Yu.N. Aspekty global'nosti rossiiskoi i kitaiskoi tsivilizatsii [Aspects of the globality of Russian and Chinese civilizations]. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2023. N 11. Pp. 84—91. (In Russ.)

12. Smakotina N.L., Volkov A.V. Transformatsiya mirovogo poryadka v usloviyakh mezhdunarodnoi nestabil'nosti: Otkrytyi mir i sinergiya tsivilizatsii [Transformation of the world order in the context of international instability: open world and synergy of civilizations]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika [Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics]. 2024. N 1. Pp. 3—22. (In Russ.)

13. Chumakov A.N. Metafizika globalizatsii. Kul'turno-tsivilizatsionnyi kontekst [Metaphysics of globalization. Cultural and civilizational context]. Mezhtsivilizatsionnyi dialog kak faktor sokhraneniya etnokul'turnogo mnogoobraziya Rossii v usloviyakh globalizatsii: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Makhachkala, 22 marta 2022 g. [Intercivilizational dialogue as a factor in preserving the ethnocultural diversity of Russia in the context of globalization: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Makhachkala, March 22, 2022]. Pod red. Yu.N. Abdulkadyrova. Makhachkala: IP Ovchinnikov M.A. (Tipografiya Alef). 2022. Pp. 19—25. (In Russ.)